

Краткие воспоминания старшего сержанта Николая Сергеевича Егорова о первых годах Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.).

В ноябре 1938 года умер отец, и я остался старшим в многодетной семье с матерью. Окончив в 1939 г. среднюю школу, все лето занимался строительными делами по дому. Без подготовки поехал сдавать вступительные экзамены на физический факультет МГУ. Не набрав проходной балл, вернулся в свою деревню. К этому времени уже вышел Указ Верховного Совета СССР о призыве в армию, в том числе и тех, кто окончил среднюю школу и не поступил в вуз. Зная это, я без вызова пошел в Гаврилово-Посадский райвоенкомат Ивановской области и был призван в Вооруженные силы, в состав Черноморского флота. Помню, я просил военкома направить меня в пехоту, так как там срок службы по сравнению с военно-морским флотом в два раза меньше. Однако, военком отказал в моей просьбе, сказав, что во флоте нужны именно такие парни — физически крепкие и со средним образованием.

В ноябре 1939 г. в райвоенкомате была собрана группа более 40 человек и отправлена в Москву, откуда поездом направлена в Одессу. Из Одессы пароходом отбыли в г. Очаков Украинской ССР, куда прибыли 5-го ноября. В Очакове нас направили в Отдельную береговую крепостную очаковскую саперную роту Северо-западного укрепленного района Черноморского флота (таково официальное полное название нашей части). Нам выдали армейское обмундирование, в том числе ботинки с обмотками. Всю нашу группу, состоящую из выходцев двух районов (Гаврило-Посадского и Юрьев-Польского Ивановской области), направили в учебный взвод для подготовки младших командиров.

В июне 1940 г. наш взвод срочно был снят с полевых учений и отправлен пароходом в Одессу. Здесь мы занялись погрузкой на баржу цемента, металлической арматуры и других строительных материалов. Ночью баржу с грузом и личным составом буксир вывел в море и потащил нас в юго-западном направлении. Позднее мы узнали, что идем в устье Дуная. Мы прибыли в Бессарабию с задачей помочь освобождению ее от Румынии. Высадились в г. Вилков на берегу Дуная. Жители этого городка, еще когда мы входили в устье реки, на лодках с красными флагами очень тепло встречали нас, и что нас удивило: они говорили по-русски. Это

были гагаузы. В Вилкове мы пробыли до осени и затем вернулись в свою часть в Очаков.

Весной 1941 г. наш взвод бывших курсантов за исключением нескольких человек приказали построить, имея при себе личные вещи. К строю подошел командир части старший лейтенант Зайцев и приказал мне выйти из строя и быть свободным. Я был удивлен и расстроен. Спустя примерно час, командир вызвал меня к себе и сообщил, что взвод отправляется в распоряжение командования Балтийского флота, а меня он оставляет в части и назначает химинструктором роты.

Все мои товарищи 1939 года призыва из Ивановской области были отправлены на Балтийское море на полуостров Ханка, перешедший к нам от Финляндии после советско-финской войны 1939-1940 гг. Там они, по дошедшим до нас сведениям, все погибли в первые же месяцы Отечественной войны.

В начале июня 1941 г. проходили широкомасштабные учения Черноморского флота, в которых принимала участие и наша отдельная саперная рота. 18 июня учения флота закончились. Принимавшие в учениях части собрались в Севастополе, где перед нами выступил командующий Черноморским флотом контр-адмирал Ф.С. Октябрьский, который подвел итоги учений и призвал повышать боевую и политическую подготовку. Он обратил внимание на сложную международную обстановку. 20 июня 1941 г. вечером мы вернулись в Очаков. Участникам учений предложили в субботу 21 июня получить увольнение в город, но мы все довольно сильно устали и попросили командира перенести увольнение в город на воскресенье 22 июня. Однако, воспользоваться увольнением нам не удалось: началась Великая Отечественная война.

Память о войне с годами не стирается. Вот уже минуло 65 лет с начала развязывания фашистской Германией Второй мировой войны, которая началась 1 сентября 1939 г. вторжением немецких войск в Польшу.

22 июня 1941 г. наша часть, как и весь Очаковский гарнизон, была поднята по боевой тревоге в 2 часа 15 минут утра. Уже после войны стало известно, что Нарком Военно-морского флота СССР Н.Г. Кузнецов по собственной инициативе отправил телеграммы всем командующим флотами страны с приказом привести в полную боевую готовность все подразделения флотов. Поэтому, за

1 час 45 минут до нападения сухопутных войск на нашу страну (в 4 часа утра) военно-морские силы страны были в полной боевой готовности.

Вскоре после объявления боевой готовности по Черноморскому флоту над Очаковской базой и Севастополем появились немецкие боевые самолеты, которые пытались заминировать Днепр-Бугский лиман и выход из Севастопольской базы. Но сделать это им не удалось: корабельной и береговой артиллерией путь самолетам к цели был прегражден, и они вынуждены были беспорядочно сбросить мины в море. Все это я узнал уже после окончания войны.

После сбора по тревоге в 2 час 15 мин 22 июня все мы почувствовали что-то необычное. Так, например, мне как химинструктору было приказано срочно заменить учебные противогазы на боевые у всего личного состава; нам всем выдали боевые патроны и гранаты, чего раньше никогда не было. Среди личного состава наблюдалось необычное напряжение и беспокойство. Что же происходит? - задавались мы вопросом. Но никто ничего не говорил.

Часов около 10 утра нам разрешили прилечь на койки в полном обмундировании и иметь при себе оружие. До этого даже сесть на койку в одежде строжайше запрещалось. И только в столовой во время обеда, где мы также были в полной боевой готовности, в 12 часов по московскому времени услышали по радио выступление Молотова и поняли, что по всей западной границе СССР немецкие войска вторглись на нашу территорию, и началась война, о которой так много до этого говорили.

До 8 июля наша часть находилась в Очакове, а в ночь на 9 июля половина роты, в том числе и наш взвод, срочно погрузилась на теплоход и отбыла по направлению к Одессе. Мы знали, что немецкие самолеты очень часто атакуют наши суда в море. Однако, у нас на вооружении имелись лишь трехлинейные винтовки и один станковый пулемет «максим». На рассвете мы были в открытом море еще далеко от Одессы, когда получили приказ: в случае налета вражеских самолетов отражать их имеющимися средствами. Было ясно, если самолеты обнаружат нас, они безнаказанно нас атакуют и потопят. К счастью, до места назначения мы прибыли без приключений. Выгрузились в порту Бугаз Днестровского лимана. По Днестру поднялись вверх,

затем по суше направились вглубь Бессарабии. Вступили в бой с противником и с боями начали отходить к Одессе. На Днестре при отходе взрывали мосты, а затем от села Яссы отошли к Когарлыку. Подходя к Одессе, услышали звуки немецких самолетов, которые шли от города в нашем направлении. Помню, шел небольшой дождь. Мы оказались на поле со скошенным овсом, сгребенным в небольшие кучки. По приказу командира рассредоточились по полю. Многие легли в понижения. Это правильное решение, но в низких местах было очень грязно. Я лег на кучу скошенного овса, в грязь не полез. Думаю, какая разница, где летчик из пулемета достанет нас - в грязи или на куче овса. Звено самолетов на небольшой высоте пролетело над нами, не открывая огня. Нам вести по ним огонь было не из чего, а они вели себя нахально. Один летчик высунулся из кабины самолета и погрозил нам пальцем.

27 июля прибыли в Одессу, построили оборонительные позиции. Два дня успешно отражали попытки прорваться небольших групп немцев и румын, а затем нам приказали вернуться в Очаков. Необходимо было готовить город к обороне.

Из Одессы в Очаков мы возвращались двумя теплоходами. Я находился на теплоходе, который шел вторым. В море нас обнаружили два немецких самолета и атаковали первый теплоход. Нам было видно, как авиабомба попала во впереди идущее судно. Мы быстро начали готовить спасательные средства, которые были у нас. Но взрыва не последовало, и теплоход продолжал свой путь. Там находился мой друг Ленька Коньков. В Очаков прибыли оба судна. Оказалось, что бомба пробила палубу первого судна и попала в матросский кубрик, не взорвавшись. В Очакове бомбу из кубрика вынесли и взорвали в безопасном месте.

Оборона Очакова

Вернувшись из Одессы, мы приступили к подготовке города Очакова к обороне с суши: рыли окопы, возводили проволочные заграждения, минировали отдельные участки, в ряде мест в землю закапывали глубинные морские бомбы и т.д.

На город участились налеты немецкой авиации. Особенно сильные налеты были 31 июля и 7 августа. В середине августа мы заняли оборону в районе Каборги, т.е. впереди оборонительной линии, которую мы подготовили. Противник вел ожесточенный огонь по

нашим позициям. 17 августа немцы заняли г. Николаев, отрезав, таким образом, нас от «большой земли». 18 августа наше командование предприняло первое здесь под Очаковым контрнаступление. Помню, справа от нас шли матросы, а слева стрелковый батальон под командованием капитана Бондаренко. Наступление было совершенно не подготовлено, оно проходило за пределами нашей оборонительной линии и захлебнулось. Мы отошли на исходные позиции, понеся огромные потери убитыми и ранеными. Через два дня началась интенсивная перестрелка. Противник теснил наши части, которые начали беспорядочное отступление и были прижаты к собственным укреплениям, воспользоваться которыми нам не удалось. Вспоминаю эпизод, когда при отступлении мы оказались вместе втроем: капитан Бондаренко, мой друг Степа Кораблев и я. Капитан тащил станковый пулемет «максим», периодически останавливался и вел из него огонь по преследующему нас противнику и беспощадно материл солдат своего батальона за неорганизованный отход (лучше сказать — бег). Мы с Кораблевым немного задержались (он прикрывал огнем, а я штыком отгибал в сапоге гвоздь, который не давал мне возможности идти), капитан ушел вперед, и я его больше не видел.

Мы с Кораблевым догнали свою часть и заняли оборону в поле, засеянном кукурузой, которая была до двух метров высотой и закрывала наблюдение. Наша группа оборонялась под руководством заместителя командира роты лейтенанта Рыжкова. Немцы активно теснили нас и скрытно по кукурузному полю обходили нас. В этой ситуации лейтенант приказал основной группе отойти, а Шатковскому (парторгу роты), мне (комсоргу роты) и пулеметчику с ручным пулеметом во главе с лейтенантом прикрывать отход роты. Через некоторое время ситуация осложнилась, немцы начали окружать нашу группу. Тогда лейтенант Рыжков приказал Шатковскому и мне взять боеприпасы (я взял ящик с патронами) и отходить к основной группе, а сам с пулеметчиком прикрывал нас. Мы уходили по кукурузному полю, я — впереди, Шатковский — за мной. Я на левом плече нес ящик с патронами. Пройдя метров 150–200, я услышал слева выстрел и падение Шатковского. Повернулся и увидел, что он убит: пуля пробила каску и висок. Я думаю, что убил его снайпер с близкого расстояния. Моя голова была прикрыта ящиком с

патронами, а Шатковский нес ящик в руках. Пулеметчик, который оставался с лейтенантом, вернулся позднее и сообщил, что лейтенант убит.

Мы только успели напиться воды и немного перекусить, как пришла команда — отобрать из нашей группы человек 20, и на грузовой автомашине нас перебросили (я оказался в этой группе) в район военного аэродрома, который находился на расстоянии около 12 км от Очакова в направлении Лагерной косы. Немцы пытались захватить этот аэродром, и нам пришлось удерживать его. Мы заняли уже готовые окопы. Нашу группу возглавлял лейтенант Сорокин. Сюда мы прибыли 20 августа. В ночь на 21 августа меня вызвали к командиру, который приказал мне быть проводником колонны отступающих на Очаков. Дорогу я знал, так как мы часто по этому маршруту ездили на учения. Вернувшись от командира, я сообщил о приказе С. Кораблеву, с которым мы были в одном окопе. Это была наша последняя беседа. Что затем стало с Кораблевым, у меня не было информации.

Дойдя до Очакова, мы увидели, что город горит от обстрелов и бомбежек. Особенно сильно подвергается обстрелу старый порт, куда мы держали путь. Старший колонны (я не знал этого командира) принял решение вести колонну, в которой было около 200 человек, к порту, где базировались торпедные катера. На подходе к этому новому порту было много брошенной техники (пушки, автомашины, тракторы). У причала стоял тральщик, на который начала погружаться прибывшая колонна. Это, как оказалось, было последнее судно, уходящее из города. Я также вступил на трап, неся в руках диски с патронами от ручного пулемета. Только я вступил на трап, как тральщик начал отходить, и конец трапа, находящийся на пристани, срывается, я теряю пулеметные диски, и в это самое время (буквально за какие-то доли секунды) кто-то с палубы успел схватить меня за правую руку и втащить на палубу. В это время я услышал скрежет борта о пристань, и тральщик отошел от нее. Только спустя несколько секунд я с ужасом оценил ситуацию. Если бы меня не поймали за инстинктивно выброшенную вверх руку, я бы оказался в воде между пристанью и бортом судна и был бы растерт им. Таким образом, я совершенно случайно оказался последним человеком, который «организованно» оставил город Очаков где-то около часа ночи 21 августа 1941г.

Тендра и Кинбурнская коса

Примерно в 2 ч утра 21 августа мы высадились с тральщика на Тендру. Тендровская коса (Тендра) — это узкая полоса песчаной суши (остров) длиной около 65 км и шириной местами до 150 м; самая широкая часть острова 1,5 км.

Оставшиеся на пристани и в городе матросы и солдаты уже на подручных средствах (лодки, доски, бревна и др.) вплавь добирались до острова Первомайский, который расположен ближе всего к берегу. Это искусственный остров, специально сооружен по приказу Екатерины Второй с тем, чтобы закрыть вход в Днепро-Бугский лиман, на севере которого находится г. Николаев.

Днем 21 августа немцы заняли г. Очаков.

С острова Первомайский часть людей была переправлена на Кинбурнскую косу. Это песчаный полуостров, вытянутый с востока на запад севернее Тендры. Длина косы около 40 км, ширина 8–10 км, а в западной части он гораздо уже.

Через несколько дней мы покинули Тендру и объединились с той частью людей, которые уже были на Кинбурнской косе. Там была и часть моей роты, был лейтенант Сорокин, отправивший меня сопроводить отходящую в Очаков колонну, но не было там Степы Кораблева.

На косе в районе селения Перегной мы заняли оборону: выкопали окопы, замаскировали их камышом. Немцы были уже на косе, их разведка обнаружила наши позиции, и они вели прицельный огонь по нашим окопам.

Однажды днем ко мне в окоп зашел комвзвода лейтенант Баловнев. Я был командиром отделения. Мы с ним о чем-то разговаривали. Вдруг слышим: от немцев летит «наша» мина. По звуку летящей мины мы научились определять: «наша» или «не наша». Я толкнул лейтенанта на дно окопа и сверху упал на него. Мина была действительно «нашей», она взорвалась в окопе за поворотом от нас, ее осколки изрешетили угол окопа в нескольких сантиметрах от моей левой руки.

Бои на косе принимали все более ожесточенный характер. Мы укрепляли свою оборону, укрепляли минные заграждения, нередко использовали морские мины.

В первой половине октября 1941 г. как-то поздним вечером я в своем окопе оказался один, так как двух солдат поставил в

«секрет» в сторону противника, остальных забрали на другие точки. Слева от меня, прикрытое возвышенностью, расположилось пулеметное отделение, справа — окоп соседнего отделения. Около 11 часов вечера (было очень темно) я услышал автоматные очереди в расположении пулеметчиков и стоны раненых. Командир пулеметного отделения почему-то оказался в соседнем отделении справа от меня. После стрельбы все стихло, и вдруг я слышу голос комвзвода Баловнева: «Батальон, в атаку!». Я выскочил из окопа с винтовкой в руках, а навстречу бежит Баловнев и на ходу бросает в меня ручную гранату с чехлом (РГД), попадает в правую часть груди. К нашему с ним счастьем лейтенант в панике забыл взвести гранату, и она не взорвалась, только очень сильно ушибла мне грудь. Много лет спустя оказалось, что у меня была перебита правая ключица. Я лейтенанта отmaterил, и он побежал дальше, на ходу сообщив, что немцы зашли в тыл и выбили наших пулеметчиков. Вернувшись в свой окоп, я вскоре услышал тихий голос связного: « Командир, отходите, все уже ушли!». В это время ко мне переполз боец из соседнего окопа справа, затем мы услышали из этого окопа немецкую речь. Вначале мы думали забросать окоп гранатами, но он от нас был довольно далеко, и мы не были уверены, что там нет наших. Кроме того, мне необходимо было снять из «секрета» двух бойцов. Я приказываю солдату, пришедшему от соседей, найти санитарную повозку и забрать раненых пулеметчиков, а сам вылезаю из окопа и бегу за своими солдатами. Немцы заметили меня и открыли огонь, а затем прекратили, поняв, что я бегу в их сторону. Нашел своих солдат и велел им также искать санитарную повозку. Мы с Коньковым осмотрели его пулеметчиков, один из них был еще жив, но не мог ни говорить, ни шевелиться, весь в крови. Мы его отнесли в сторону. Но ни солдат, ни повозки с фельдшером не прибыло. Мы решили тащить раненого на плащ-палатке. С трудом прошли шагов 50 и убедились, что он умер. Мы пошли дальше и наткнулись на окоп, в котором находились два солдата нашей роты. Мы предложили им пойти вместе с нами, но они категорически отказались и велели нам быстрее оставить их, иначе они откроют огонь (они держали в руках винтовки). Это были два украинца, призванные из Николаевской области. Они решили остаться на своей малой родине, уже оккупированной немцами. Мы не были готовы к такой

ситуации и пошли дальше. Это был первый и неожиданный для нас случай предательства.

Мы с Коньковым только к утру догнали своих. Отошедшие части собрались в западной оконечности косы. Через двое суток поступил приказ вывести из строя всю имеющуюся технику, а личному составу погрузиться в баржу. Трюмы баржи были полностью заполнены, люди стояли вплыв друг к другу. Нас человек 5–7 остались на палубе. Ночью буксир потащил баржу к Тендре. К утру мы, находящиеся на палубе, заметили, что баржа стоит на месте. Буксир бросил нас недалеко от Тендровской косы, которую немцы бомбили с утра до вечера. Вокруг косы (ее западной оконечности) было много затопленных в результате бомбежек различных судов, которые торчали носовой или кормовой частью, или лежали на боку (вокруг Тендры довольно мелко).

То, что буксир бросил нас в море недалеко от косы и ушел в неизвестном направлении, было явным предательством.

Находящиеся на палубе взяли плащ-палатки, натянули их на примкнутые к винтовкам штыки и устроили своеобразные паруса. К счастью, ветерок дул в сторону косы, и баржа начала медленно двигаться в ее сторону. Через какое-то время мы достигли берега и приказали всем спокойно покинуть баржу. Примерно через час после выгрузки с баржи начался налет немецкой авиации, и баржа была разбита.

Снова на Тендре

На Тендру мы прибыли 12 октября 1941 года. Отсюда мы наблюдали за большим конвоем кораблей во главе с линкором «Парижская коммуна», вывозивших войска из Одессы в Севастополь. Эвакуация войск из Одессы началась 16 октября. Конвой с войсками шел мимо Тендры. Немецкая авиация периодически атаковала конвой, но зенитчики линкора и других военных кораблей сопровождения умело отгоняли вражеские самолеты, нередко сбивая их. Нашей авиации не было. Торпедные катера, прибывшие на Тендру, также умело прикрывали конвой с моря. Отход войск из Одессы был организован очень хорошо. Вечером 6 ноября на Тендру прибыл крейсер, который забрал личный состав. Наша рота покидала Тендру одной из последних. Командир роты старший лейтенант Зайцев еще на Кинбурнской

косе был ранен. Командиром роты назначили старшего лейтенанта Бабенко. Много лет спустя из мемуарной литературы я узнал, что эвакуация воинских частей с Гендры была начата еще 24 октября в связи со сложной обстановкой в Крыму.

Севастополь

Рано утром 7 ноября 1941 г. мы прибыли в Севастополь. Нашу часть разместили в здании, построенном в виде замкнутого квадрата с большим внутренним двором. Здесь было уже много военных, так что найти место можно было с большим трудом и то для того, чтобы только сесть. Часов в 6 утра 7 ноября нам всем было приказано выйти во двор для построения по периметру внутреннего двора. Подошла крытая грузовая машина, которая остановилась так, что я оказался метрах в пяти от нее. Из машины вышли несколько офицеров — юристов в морской форме и один из них огласил приговор военного трибунала. Суть приговора состояла в том, что якобы один из моряков намеревался перейти к немцам, а посему вынесено решение расстрелять этого моряка. Из машины вытолкнули молодого красивого моряка с завязанными сзади руками, и оглашавший приговор офицер тут же расстрелял его. После этого подошли открытые грузовики, мы погрузились, и нас повезли куда-то. Мы без всякой подготовки, голодные и уставшие, вступили в очень тяжелый бой.

Спустя примерно 25 лет после окончания войны я с семьей отдыхал в Крыму в санатории Форос. Была организована экскурсия в город-герой Севастополь. Мы туда поехали на автобусе. Экскурсию по городу вела уже немолодая женщина. Я подошел к ней и рассказал о том, что было 7 ноября 1941 г. Она сообщила, что дом, в котором мы останавливались, остался цел и что это было место, куда прибывали воинские части.

7 ноября 1941 г. немцы начали первое генеральное наступление на Севастополь. Войска противника прорвали оборону под Балаклавой. Вот туда и направлялись все прибывающие в город подразделения.

Действительно, этим утром и днем 7 ноября бой был очень тяжелым. Из нашей саперной роты, которой командовал ст. лейтенант Бабенко, осталась небольшая группа около 45 человек. Вечером нас сняли с передовой и отправили в севастопольский порт. Мы погрузились на танкер, который взял на буксир плавучий

док. Наш курс — на г. Потти Грузинской ССР. При выходе из Севастополя наш танкер и док сопровождали эсминец и звено истребителей. После того, как мы ушли на значительное расстояние от Крыма, сопровождение покинуло нас, и мы остались в море одни. Вскоре в море начался сильный шторм. Мощный танкер не смог справиться с доком, обладающим большой парусностью. В этой ситуации док потащил танкер в южном направлении. На танкере мы были пассажирами и обратили внимание на то, что капитан и его команда очень возбуждены. Однако, нам ничего не говорили. Шторм не прекращался несколько суток. Все это время мы шли не на восток, как положено, а на юг. Как выяснилось уже в Потти, куда мы прибыли лишь на 10-е сутки, во время шторма док тянул нас к берегам Турции, которая была союзницей Германии. Если бы шторм продолжался еще сутки, как нам сказали моряки танкера, нас могли бы пленить турки. К счастью, этого не произошло.

Город Потти

В Потти, на базе оставшейся от отдельной саперной роты группы начала формироваться новая воинская часть, которая получила наименование Поттийской 35-й инженерной роты Черноморского флота, командиром которой остался старший лейтенант Бабенко. Одновременно с формированием новой роты мы занимались укреплением района Потти – Батуми, т.к. Турция на границе с Грузией в районе Батуми сосредоточила огромные военные силы. В начале июня 1942 г. в нашу часть пришла телеграмма с приказом направить в распоряжение Новороссийской военно-морской базы 10 младших командиров во главе со мной с последующим направлением в 179-й инженерный батальон, формирование которого поручено бывшему нашему командиру капитану Зайцеву. Группа младших командиров была отобрана, всех ребят я хорошо знал и им доверял.

Из Потти в Новороссийск мы могли добраться только по железной дороге окружным путем: Потти-Тбилиси-Баку – Махачкала – Гудермес – Пятигорск – Армавир – Краснодар – Новороссийск. Путь этот был долгим.

Однако до Новороссийска мы добрались без особых приключений. В штабе Новороссийской военно-морской базы нам сообщили о местонахождении 179-го инженерного батальона, который

расположился в Нижней Баканке (от Новороссийска в сторону Краснодара).

Еще в Потти нам выдали продовольственные аттестаты, по которым мы могли получать пищу на больших станциях. Но делать это было слишком трудно, да и еда в привокзальных столовых была настолько неприемлемой, что мы часто отказывались ее принимать. Перед отъездом нам выдали также по запасной паре нижнего белья. Ехали мы в общей сложности более 12 суток. Чтобы как-то питаться, мы иногда продавали запасное белье или просто меняли его на продукты.

Нижняя Баканка и Новороссийск

По прибытии в часть меня как старшего группы весьма недружелюбно встретил старшина батальона. При встрече со старшиной я потребовал накормить мою команду, организовать баню и сменить белье. Ознакомившись с документами, старшина сказал, что у нас еще на сутки должно быть питание, баню он организует, а белье выдавать не будет, так как оно должно быть у нас. Формально все было правильно. После такого разговора со старшиной мы пошли с ним к командиру батальона. При встрече со мной капитан Зайцев обрадовался (я у него служил с 1939 года), обнял меня, поинтересовался, как мы добрались. Я подробно и честно доложил ему и отметил, что старшина (он стоял рядом) отказывается накормить нас и выдать свежее белье. Комбат возмутился таким отношением к нам и приказал немедленно накормить нас, помыть и выдать свежее белье, проявить истинное гостеприимство. Я поблагодарил капитана, и вместе со старшиной мы вышли из кабинета командира. По пути в столовую я спросил старшину, как долго он знает капитана? Тот ответил, что около месяца. Тогда я сказал ему, что знаю комбата с ноября 1939 года и чтобы он учел это. С этого момента наша жизнь вошла в нормальную армейскую колею.

Прибывших со мной сержантов назначили командирами отделений, а меня, как старшего сержанта, командиром взвода. Мой взвод еще не был укомплектован, поэтому капитан Зайцев разрешил мне отдохнуть и осваивать обстановку.

Через небольшое время я получил взвод, укомплектованный, в основном, уже немолодыми мужчинами; командирами отделений были назначены сержанты, прибывшие со мной из Потти. Взвод

расположился в зарослях кустарника на южной окраине Нижней Баканки. Здесь мы занимались обычными для военного времени делами: строили оборонительные сооружения, минировали плотину, перекрывающую речку и т.д.

Обстановка на юго-востоке страны летом 1942 г. была очень сложной. Гитлеровские войска рвались к Волге, обходя Кавказские горы. Гитлер поставил задачу — захватить нефть Майкопа и Грозного, отрезать Баку. 24 июля противник овладел Ростовом на Дону, форсировал Дон. В августе 1942 г. немцы заняли Краснодар. Мы начали отходить к Новороссийску.

Моему взводу была поставлена задача подготовить к взрыву и затем взорвать вход и выход туннеля на железнодорожной станции Туннельная. Это недалеко от Новороссийска, западнее станции Крымская. Цель этой операции состояла в том, чтобы на какое-то время задержать продвижение немецких войск на Новороссийск. В это же время на шоссе Анапа-Новороссийск был заложен мощный фугас, взрыв которого смог бы задержать немецкие войска, наступающие на Новороссийск со стороны Анапы. Этот очень важный фугас было поручено охранять и по команде взорвать отделению моего взвода во главе с сержантом Мартынюком, который прибыл со мной из Потти.

Перед взрывом туннеля в его вход и выход были загнаны пустые товарные вагоны с тем, чтобы затруднить расчистку завалов. Когда все было готово и поступила команда на взрыв, я приказал всем участвующим в подготовке к взрыву отойти на безопасное расстояние. Я произвел взрыв, который прошел удачно.

После взрыва, когда все стихло и осела пыль, ко мне подошел бледный-бледный сержант Мартынюк и доложил следующее. Он без разрешения прибыл к месту взрыва без оружия. По команде покинуть опасную зону отошел в небольшие заросли, где оказался один. В это время к нему подошел мужчина в армейской форме советского солдата с пистолетом в руке. Сказал, что знает его фамилию и назвал населенный пункт, где проживает мать и сестра Мартынюка. Сообщил, что это село занято «нашими» войсками, т.е. немецкими. Потребовал от Мартынюка взорвать охраняемый его отделением фугас по его команде. Если он это выполнит, то немецкое командование его наградит и оставит в живых мать и сестру. В противном случае его близкие будут уничтожены. Я спросил Мартынюка, видел ли он этого человека

ранее? «Видел, когда мы были в Одессе,» — ответил сержант, — «он попросил огня прикурить сигарету». О случившемся я немедленно доложил начальнику штаба. Отделение Мартынюка сняли с охраны фугаса, заменили другим и усилили охрану. После этого Мартынюка я больше не видел. Взрыв фугаса на шоссе в трудно проходимом месте произвели по нашему приказу после того, как последние советские войска прошли к Новороссийску. Летом 1942 г. немцы развернули мощное наступление на Новороссийск. Во второй половине августа наш батальон уже был на западном берегу Цемесской бухты, которая, как известно, глубоко врежется в горы. По восточной и западной сторонам бухты расположен город Новороссийск.

Мы держали оборону в предместьях города на равнинной части, окруженной с одной стороны горой Колдун и другими горами. Тут же был аэродром. Над этой частью города в это время шли очень сильные воздушные бои: с той и нашей стороны участвовало большое число самолетов.

В конце 70-х годов я посетил Краснодар, а оттуда на машине мы съездили в Новороссийск. По пути заехали в Нижнюю Баканку. Там я нашел места, где мы находились летом 1942 г. В Новороссийске в сопровождении секретаря горкома КПСС поехали на «Малую землю», о которой тогда много говорил и писал Л.И.Брежнев. В 1942 г. на этой территории мы вели упорные бои, я ее проползал на животе и исходил ногами вдоль и поперек. Тут я узнал и гору Колдун и место, где был аэродром. Эту территорию мы удерживали до конца августа.

В самом конце августа мы отошли под напором немецких войск к окраине Новороссийска, пытались окопаться, но под ногами была скальная порода, и она не позволяла зарыться в землю. Немцы наносили мощные удары и с суши, и с воздуха.

4 сентября 1942 года меня ранило. Ребята из моего взвода нашли грузовую машину и отправили меня в санчасть, которая находилась по направлению Геленджика. Санчасть расположилась на заросшей кустарником площадке, где стояло несколько палаток. Вокруг на земле лежало много раненых.

После завершения операции, которую проводил молодой симпатичный хирург, мне помогли выйти из операционной палатки, и я разместился на земле вместе с другими ранеными. Сестра сказала, что надо подождать какой-либо транспорт. К

концу дня нас отправили на грузовике в Геленджик. Помещения, куда нас привезли, были полностью заполнены ранеными.

Утром 5 сентября всем ходячим раненым, к которым относился и я, выдали по куску хлеба с салом и сказали, чтобы мы самостоятельно ловили транспорт и отправлялись на восток. Вместе с одним танкистом, раненным также в руку, мы вышли на дорогу и стали останавливать машины. Остановили груженую мешками полупорку, спросили, куда направляется машина. Ответ нас удовлетворил. Мы забрались на мешки, заполненные, как оказалось, овсом, и поехали. Часа через три машину остановил санитарный пост и приказал водителю свернуть в сторону. Мы оказались в расположении санитарной части. Машину отпустили, нам сделали перевязки, накормили, вывели на шоссе, где мы опять должны были ловить попутную машину. Так это продолжалось несколько дней. Примерно через неделю на одном из пунктов нас объединили в группу, посадили в старенький автобус и привезли в город Боржоми в Грузии.

Во второй половине августа 1942 года немецкие войска прорвались к Сталинграду. Наши войска были прижаты к Волге.

Складывалась ситуация, что Кавказ, по существу, оказывался отрезанным. В этих условиях было принято решение эвакуировать всех раненых из Грузии, в том числе и из Боржоми, куда мы прибыли два дня назад. Из Боржоми нас через Тбилиси поездом отправили в Баку, откуда теплоходом мы прибыли в Красноводск. В Красноводске погрузились в поезд, и привезли нас в город Коканд Узбекистана. В госпитале, развернутом в бывшем здании пединститута, я пробыл до декабря 1942 г. Был признан негодным к дальнейшей воинской службе и демобилизован. Вернулся к матери в деревню во второй половине декабря.

В январе 1943 г. устроился на работу в качестве диспетчера транспортного отдела Петровского спиртового завода, где проработал до октября месяца. В августе 1943 г. отправил необходимые документы и справку о сданных вступительных экзаменах на физический факультет, куда я поступал в 1939 г., на биологический факультет МГУ и был принят без повторной сдачи экзаменов. В 1948 г. окончил университет и был принят в аспирантуру. В марте 1952 г. защитил кандидатскую диссертацию, а в 1965 г. — докторскую. После завершения аспирантуры оставлен на работу на кафедре микробиологии

биофака МГУ. С февраля 1967 г. по май 1988 г. работал заместителем Министра высшего и среднего специального образования СССР. В сентябре 1967 г. приказом ректора МГУ был назначен заведующим кафедрой микробиологии, которую возглавлял до осени 1989 г. В настоящее время — профессор Международного биотехнологического центра МГУ по кафедре микробиологии.